

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-272-276

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

МАРКАРОВ Михаил Давидович,Аспирант ФГАОУ ВО «Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы»,

Руководитель следственного отдела по городу Солнечногорск

Главного следственного управления Следственного комитета

Российской Федерации по Московской области,

e-mail: mail@law-books.ru

ИНСТИТУТ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ К ЦИФРОВЫМ ПРАВАМ

Аннотация. В статье проанализирован институт добросовестного приобретателя и возможности применения данного института к цифровым правам в Российской Федерации. Сделан вывод о том, что институт добросовестного приобретателя применительно к цифровым правам следует рассматривать не как прямое заимствование вещно-правовой конструкции, а как возможную гражданско-правовую модель защиты интересов прежнего обладателя и последующего приобретателя. Автор статьи обосновывает необходимость закрепления специальных правил, которые позволят правоприменителю оценивать законность перехода цифровых прав, добросовестность поведения приобретателя и возможность восстановления нарушенного имущественного положения прежнего обладателя.

Ключевые слова: цифровые права, добросовестный приобретатель, криптовалюта, цифровые объекты, гражданский оборот.

MARKAROV Mikhail Davidovich,

Graduate student of the FSAEI HE

“Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba”,

Head of the Investigation Department for the city of Solnechnogorsk

of the Main Investigation Department of the Investigative Committee

of the Russian Federation for the Moscow Region

BONA FIDE ACQUIRER INSTITUTE AND ITS APPLICABILITY TO DIGITAL RIGHTS

Annotation. The article analyzes the institution of a bona fide acquirer and the possibility of applying this institution to digital rights in the Russian Federation. It was concluded that the institution of a bona fide acquirer in relation to digital rights should not be considered as a direct borrowing of a material legal structure, but as a possible civil law model for protecting the interests of the previous owner and the subsequent acquirer. The author of the article justifies the need to consolidate special rules that will allow the law enforcer to assess the legality of the transfer of digital rights, the bona fide behavior of the acquirer and the possibility of restoring the violated property status of the previous owner.

Key words: digital rights, bona fide acquirer, cryptocurrency, digital objects, civil circulation.

На протяжении последних десятилетий наблюдается глобальная цифровизация общественных отношений, затрагивающая и гражданский оборот. Как отмечают В.В. Севостьянов и О.А. Минеев, данный процесс не может рассматриваться как временное состояние или отдельный этап технического развития, речь идет о целенаправленном векторе общественно-экономической трансформации [5]. Цифровизация гражданского оборота, с одной стороны, упрощает совершение сделок, ускоряет обмен иму-

щественными благами, расширяет возможности дистанционного взаимодействия между участниками оборота, но, с другой стороны, порождает новые риски, связанные с неправомерным доступом к цифровым системам, утратой контроля над цифровыми объектами и многими другими вопросами.

На это указывают статистические сведения о росте противоправных действий, затрагивающих цифровые объекты, учетные записи, криптокошельки, ключи доступа и иные элементы

информационной инфраструктуры. Так, в 2023 году Росфинмониторинг указывал на осуществление мониторинга более 25 тыс. участников операций с криптовалютами, проведение около 120 расследований и возбуждение более 60 уголовных дел, связанных с таким оборотом [9]. В 2024 году ведомство зафиксировало двукратный рост подозрительных операций с использованием криптовалюты, связав данную динамику с мошенничеством, коррупцией, незаконным оборотом наркотических средств и иными противоправными действиями [10].

По сведениям Chainalysis в 2024 году объем похищенных криптоактивов увеличился примерно на 21 процент и достиг 2,2 млрд долларов, а количество отдельных инцидентов возросло с 282 до 303 [11]. В 2025 году объем похищенной криптовалюты превысил 3,4 млрд долларов [12]. Значительная часть таких посягательств была обусловлена компрометацией приватных ключей, выступающих техническим средством легитимации обладателя актива и распоряжения им.

В результате указанных действий потерпевшее лицо утрачивает фактический контроль над цифровым объектом. Распространение подобных случаев обуславливает необходимость формирования правовых механизмов, способных обеспечивать защиту участников гражданского оборота не только уголовно-правовыми, но и гражданско-правовыми средствами. Одним из таких механизмов может выступать институт добросовестного приобретателя.

Сущность института добросовестного приобретателя состоит в обеспечении устойчивости гражданского оборота в ситуациях, при которых имущество приобретено у лица, не управомоченного на его отчуждение, однако приобретатель не знал и по обстоятельствам дела не должен был знать об отсутствии такого правомочия. Традиционно данный механизм рассматривается в рамках вещно-правового регулирования и направлен на установление баланса между интересом прежнего собственника в сохранении принадлежащего ему имущества и интересом приобретателя, который получил имущество возмездно, действовал добросовестно и проявил необходимую степень осмотрительности. В связи с этим существенное значение имеет характер выбытия имущества из владения собственника. Если собственник сам создал внешнюю видимость управомоченности другого лица, передав ему вещь, документы, ключи и т.д. (для вещей) или доступ к информационной системе (для цифровых прав), допустив тем самым переход прав, либо не проявив разумной осмотрительности при охране имущества, риск неблагоприятных последствий может быть возложен на него. Если же имущество выбыло из владения собственника

помимо его воли, приоритет получает защита первоначального правообладателя. Такая логика положена в основу ст. 302 ГК РФ и последовательно прослеживается в судебной практике.

Представляется, что правовая модель, содержащаяся в институте добросовестного приобретателя, может быть адаптирована к иным объектам, не имеющим вещной природы, но обладающим имущественным характером. К числу таких объектов относятся цифровые права. Законодатель определяет цифровые права как обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы, соответствующей установленным законом признакам (ст. 128 и 141.1 ГК РФ [1]). Обладателем цифрового права, если иное не предусмотрено законом, признается лицо, имеющее по правилам такой системы возможность распоряжаться соответствующим правом. Следовательно, для оборота цифрового права решающее значение имеет не физическое владение объектом, а запись в информационной системе, наличие доступа и цифровая легитимация лица в качестве управомоченного субъекта.

В случае утраты прежним обладателем доступа к информационной системе и последующего совершения третьим лицом сделки с цифровыми правами возникает следующая правовая ситуация: для информационной системы и ее участников переход права является состоявшимся, поскольку операция совершена с использованием надлежащего доступа, ключа, учетной записи или иного средства идентификации, вместе с тем воля прежнего обладателя на отчуждение цифрового права в действительности отсутствует. По своей правовой природе такая ситуация близка к классической ситуации с добросовестным приобретателем. Между тем правила ст. 302 ГК РФ не могут применяться к цифровым правам напрямую. Цифровое право является имущественным правом, а не вещью, поэтому его защита не может строиться по модели виндикации [7]. Корректнее говорить об использовании аналогичной по функционалу гражданско-правовой конструкции, направленной на защиту добросовестного приобретателя цифрового права и определение того, на кого должны возлагаться неблагоприятные последствия неправомерного доступа к информационной системе.

Такой подход обусловлен самой природой оборота цифровых прав. Приобретатель ориентируется на данные информационной системы, поскольку именно они подтверждают наличие права, возможность распоряжения им и принадлежность соответствующего цифрового объекта определенному лицу. В этом смысле информационная система выполняет легитимирующую

функцию, сходную с функцией публичных реестров в отношении отдельных объектов гражданских прав. Приобретатель, действующий возмездно, разумно и осмотрительно, проверивший доступные сведения и не имевший оснований сомневаться в правомерности распоряжения, нуждается в гражданско-правовой защите при предъявлении требований со стороны прежнего обладателя. Иное решение существенно повышало бы риски вторичного оборота цифровых прав и снижало бы доверие участников гражданского оборота к информационным системам.

В доктрине уже высказываются позиции о возможности распространения идеи добросовестного приобретения за пределы вещно-правовых отношений. Такой позиции придерживается О.В. Ушаков, указывающий на принципиальную схожесть правовых последствий для классического вещного права и для обязательственных прав требований имущественного характера [6]. Аналогичной позиции придерживается Д.В. Лоренц, указывая, что ошибка в смарт-контракте либо несанкционированный доступ третьих лиц к токенам способны привести к появлению недостоверных сведений в распределенном реестре, вследствие чего возникает риск неправомерного отчуждения цифровых прав [8]. Именно в таких ситуациях, по мнению вышеуказанного автора, встает вопрос о защите добросовестного приобретателя цифрового права.

Примечательно, что применительно к отдельным цифровым объектам, прежде всего цифровым финансовым активам, элементы указанного механизма уже получили нормативное закрепление в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] (далее – Закон о цифровых финансовых активах). Согласно ст. 4 Закона о цифровых финансовых активах такие объекты учитываются в информационной системе в виде записей, а переход удостоверенных ими прав к новому приобретателю связывается с внесением в информационную систему записи о таком переходе. Обладателем цифровых финансовых активов признается лицо, включенное в реестр пользователей информационной системы и имеющее доступ к ней посредством уникального кода, позволяющего получать информацию о принадлежащих ему активах и распоряжаться ими. В ст. 6 Закона о цифровых финансовых активах закреплено, что оператор обязан обеспечить возможность восстановления доступа обладателя цифровых финансовых активов к записям информационной системы, если такой доступ был утрачен, целостность и достоверность информации о цифровых финансовых активах, корректность

алгоритмов создания, хранения и обновления информации, а также хранение сведений о сделках и их участниках. Кроме того, оператор обязан внести или изменить записи о цифровых финансовых активах на основании вступившего в законную силу судебного акта, исполнительного документа, акта уполномоченного органа либо свидетельства о праве на наследство, если соответствующий документ предусматривает переход цифровых финансовых активов в порядке универсального правопреемства.

Из приведенных положений следует, что при отчуждении цифрового объекта вследствие несанкционированного доступа прежний обладатель должен располагать возможностью судебной защиты. Конкретный способ защиты зависит от характера нарушения и правовых последствий совершенной операции. В соответствующей ситуации могут применяться различные способы гражданско-правовой защиты, предусмотренные ст. 12 ГК РФ, а также иные способы, соответствующие характеру нарушенного права (признание права, внесение исправительной записи, возложение на оператора информационной системы обязанности восстановить учет, взыскание убытков с виновного лица, взыскание неосновательного обогащения, денежное возмещение причиненных потерь и т.д.).

В этой связи показательно Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П, вынесенное по делу о проверке конституционности ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах [4]. Поводом для рассмотрения дела стала ситуация, при которой суды отказали в защите имущественного требования, сославшись на несоблюдение порядка информирования об обладании цифровым объектом и совершении сделок с ним. Конституционный Суд РФ указал на недопустимость такого подхода применительно к лицам, законно получившим соответствующий цифровой объект способом, не связанным с майнингом. Оспариваемая норма признана не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она препятствует судебной защите имущественных требований, вытекающих из законного обладания цифровым объектом и его законного использования в обороте. Данная позиция имеет важное значение для рассматриваемого вопроса, поскольку отражает общий подход, согласно которому цифровой объект, обладающий имущественным содержанием, не может произвольно исключаться из сферы судебной защиты только вследствие особенностей его цифровой природы, если лицо приобрело его на законном основании, действовало добросовестно и не знало либо не должно было знать о возможных нарушениях при его переходе.

Дополнительным аргументом в пользу возможности экстраполяции механизма добросовестного приобретателя является содержание охраняемого имущественного интереса прежнего правообладателя. В вещно-правовых отношениях интерес собственника состоит в восстановлении господства над индивидуально определенным имуществом. Собственник, лишившийся вещи помимо своей воли, заинтересован не в получении денежного эквивалента, а в возврате самого имущества. Такая логика лежит в основе виндикационной защиты. На первый взгляд может показаться, что данная модель не соотносится с цифровыми правами, поскольку они не обладают вещной природой и не связаны с индивидуально определенным объектом. Однако цифровые права неоднородны по своему содержанию. Если цифровые права удостоверяют денежное требование, например право на получение определенной суммы от обязанного лица, интерес прежнего обладателя имеет денежный характер. В таком случае восстановление цифровых прав и взыскание их стоимости могут иметь сопоставимый экономический результат.

Иная ситуация возникает, когда цифровые права предоставляют обладателю возможность требовать передачи вещи, выполнения работы, оказания услуги, передачи исключительного права, осуществления прав участия в непубличном акционерном обществе либо реализации иного специфического имущественного правомочия. В подобных случаях интерес прежнего обладателя не сводится к получению денежной компенсации. Его правовая цель заключается в восстановлении возможности осуществлять именно те права, которые были утрачены вследствие неправомерного доступа или неправомерного распоряжения. Данная особенность особенно заметна применительно к утилитарным цифровым правам [2], поскольку их неправомерное отчуждение затрагивает возможность прежнего обладателя реализовать конкретное имущественное требование, закрепленное в цифровой форме.

Мы полагаем, что применительно к цифровым правам вопрос о защите прежнего обладателя и добросовестного приобретателя должен решаться с учетом содержания соответствующего права. Если восстановление записи в информационной системе позволяет вернуть лицу возможность осуществлять принадлежащее ему имущественное правомочие, такой способ защиты должен быть предусмотрен в действующем законодательстве.

В заключении отметим, что институт добросовестного приобретателя применительно к цифровым правам следует рассматривать не как прямое заимствование вещно-правовой конструк-

ции, а как возможную гражданско-правовую модель защиты интересов прежнего обладателя и последующего приобретателя. Ее применение требует учета особенностей информационной системы. Наиболее оправданным представляется закрепление специальных правил, которые позволят правоприменителю оценивать законность перехода цифровых прав, добросовестность поведения приобретателя и возможность восстановления нарушенного имущественного положения прежнего обладателя. Предложенный механизм позволит сохранить устойчивость оборота цифровых прав без произвольного исключения из защиты лица, действовавшего добросовестно.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [2] Федеральный закон от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.
- [3] Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ч. I. Ст. 5018.
- [4] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 4. Ст. 372.
- [5] Севостьянов В.В., Минеев О.А. Цифровизация гражданского оборота в контексте цифровой социально-экономической парадигмы: основные проблемы и перспективы развития // Legal Concept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 1. С. 64-69.
- [6] Ушаков О.В. Добросовестное приобретение цифровых прав на примере токена // Актуальные вопросы права в банковской сфере : материалы Международного правового банковского форума, 24–25 сентября 2020 года / редкол.: В.Д. Богатырев, А.Г. Безверхов, А.В. Юдин [и др.] ; Самарский университет. Самара: Издательство Самарского университета, 2020. С. 549-558.

[7] Никитин, В. И. Вопросы квалификации преступлений в сфере обращения криптовалют в условиях цифровой экономики / В. И. Никитин // Правовой альманах. – 2026. – № 1(50). – С. 36-43.

[8] Лоренц Д.В. Бестелесное имущество: проблемы добросовестного приобретения и приобретательная давность в Германии и России // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 213-223.

[9] Росфинмониторинг контролирует более 25 тыс. участников операций с криптовалютами // ТАСС. 2023. 9 марта. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17227663> (дата обращения: 29.03.2026).

[10] Росфинмониторинг зафиксировал двукратный рост подозрительных операций с криптовалютой // ТАСС. 2023. 30 ноября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19420611> (дата обращения: 29.03.2026).

[11] Chainalysis. \$2.2 Billion Stolen in Crypto in 2024 but Hacked Volumes Stagnate. 2024. 19 December. URL: <https://www.chainalysis.com/blog/crypto-hacking-stolen-funds-2025/> (дата обращения: 29.03.2026).

[12] Chainalysis. 2025 Crypto Theft Reaches \$3.4 Billion. 2025. 18 December. URL: <https://www.chainalysis.com/blog/crypto-hacking-stolen-funds-2026/> (дата обращения: 29.03.2026).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 30.11.1994 dated 51-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[2] Federal Law No. 02.08.2019 of 259-FZ “On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation” //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. № 31. Art. 4418.

[3] Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31, part I. Art. 5018.

[4] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.01.2026 No. 2-P “In the

case of checking the constitutionality of part 6 of article 14 of the Federal Law “On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation” in connection with the complaint of citizen Timchenko Dmitry Igorevich” //Collection of legislation of the Russian Federation. 2026. № 4. Art. 372.

[5] Sevostyanov V.V., Mineev O.A. Digitalization of civil circulation in the context of the digital socio-economic paradigm: main problems and development prospects//Legal Concept = Legal paradigm. 2022. VOL. 21. № 1. S. 64-69.

[6] Ushakov O.V. Conscientious acquisition of digital rights using the example of a token//Current issues of law in the banking sector: materials of the International Legal Banking Forum, September 24-25, 2020/editorial: V.D. Bogatyrev, A.G. Bezverkhev, A.V. Yudin [and others]; Samara University. Samara: Samara University Publishing House, 2020. S. 549-558.

[7] Nikitin, V.I. Issues of qualification of crimes in the field of cryptocurrency circulation in the digital economy/V.I. Nikitin//Legal almanac. – 2026. – № 1(50). – S. 36-43.

[8] Lorenz D.V. Disembodied property: problems of conscientious acquisition and acquisition age in Germany and Russia//Bulletin of Tomsk State University. 2024. № 504. S. 213-223.

[9] Rosfinmonitoring controls more than 25 thousand participants in operations with cryptocurrencies//TASS. 2023. March 9. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17227663> (access date: 29.03.2026).

[10] Rosfinmonitoring recorded a twofold increase in suspicious operations with cryptocurrency//TASS. 2023. Nov. 30. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19420611> (access date: 29.03.2026).

[11] Chainalysis. \$2.2 Billion Stolen in Crypto in 2024 but Hacked Volumes Stagnate. 2024. 19 December. URL: <https://www.chainalysis.com/blog/crypto-hacking-stolen-funds-2025/> (дата обращения: 29.03.2026).

[12] Chainalysis. 2025 Crypto Theft Reaches \$3.4 Billion. 2025. 18 December. URL: <https://www.chainalysis.com/blog/crypto-hacking-stolen-funds-2026/> (дата обращения: 29.03.2026).

